

Елена Арсеньева

НИКТО ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

"ГОРОДИШКО"

Елена Арсеньевна Арсеньева

Никто из преисподней

Серия «Городишко», книга 4

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22477144

Большая книга ужасов 2017: Эксмо; М.; 2017

ISBN 978-5-699-91078-6

Аннотация

Легко ли пережить ужасные, сверхъестественные события, а потом жить как ни в чем не бывало? Ходить в школу, встречаться с подругами, общаться с мальчишками? Хорошо, пусть друг у Валюшки пока не много, да и поклонники в очередь не выстраиваются. Но за что ее так невзлюбила новенькая – красавица с диковинным именем Зенобия? Не слишком ли поздно Валюшка поняла, что это источник ужасного зла? Ведь слуги ледяного ада не оставят в покое тех, кто однажды сбежал из-под их власти... И только Никто – ну совершенно непонятное существо! – поможет Валюшке одолеть демонов зимней ночи и увидеть такие чудеса, о которых она и помыслить не могла раньше!

Эта повесть – четвертая из серии «Городишко», в которую входят также «Остров потерянных душ», «Демоны зимней ночи», «Сын тумана» и «Лунный пес».

На обложке использован фрагмент картины Джозефин Уолл
«Таинственная связь».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

46

Елена Арсеньева

Никто из преисподней

Мана манит, да Бог хранит.

Русская пословица

...Смеркалось. После вчерашнего обильного снегопада некоторые могилы были замечены чуть ли не вровень с оградками. Дорожка кончилась.

Валюшка остановилась и растерянно огляделась.

Куда теперь? Где та могила, которую она ищет?

Вдруг медальон, висящий на шее, забился, сам по себе выпростался из-под шарфа и дубленки, потом натянулся параллельно земле и потащил Валюшку вперед.

Она пыталась остановиться, сопротивляться, но это оказалось бессмысленно. Медальон, больно врезаясь в шею, волок Валюшку напрямик, по сугробам, и девочка испугалась: что будет, если он повернет в сторону оградок? Ей через памятники прыгать придется, что ли? Мчаться прямо по могилам?!

Внезапно медальон успокоился и смирно повис на шее.

Вокруг простиралась снежная равнина, видная до самого горизонта.

Валюшка уже не на кладбище, что ли? А почему так светло? Должно темнеть, ведь уже вечер!..

Она огляделась и заметила одинокий могильный холмик,

занесенный снегом по самую верхушку памятника.

Сердце больно стукнуло.

Это здесь? Это то, что она ищет?..

Не разбирая дороги, Валюшка через сугробы пробралась к памятнику и обеими руками принялась счищать с него снег, пытаясь открыть портрет.

Вот она, фотография! Точно такая же, как в медальоне. Только глаза женщины на этой фотографии закрыты. И еще вот что странно: под портретом нет никакой надписи.

Ледяной ветер пронесся по кладбищу. Почудилось, что из-за спины донесся чуть слышный скрипучий смешок.

Валюшка оглянулась и увидела Зенобию.

Она не проваливалась в сугробы, а едва касалась их ногами. Легкие метельные вихри взметывались за ней, и тогда Валюшке казалось, будто это не девочка, одетая во все белое, с длинными белыми, реющими на ветру волосами, несется по сугробам, а большая белая кошка с острыми, серебристо сверкающими когтями. Но тут же снова вместо кошки появлялась Зенобия.

Вот она обернулась, взглянула на Валюшку своими прозрачными, очень светлыми глазами, усмехнулась, а потом понеслась к ней – так же легко, невесомо, и каждое ее движение вызывало не то восхищение, не то ужас...

Зенобия замерла совсем рядом – так близко, что Валюшка увидела: снежинки, падающие на ее щеки, не тают! – и спросила, почти не шевеля побелевшими, опушенными сне-

гом губами:

– Испугалась? Рановато. Все еще впереди!

– Что впереди? – тихо спросила Валюшка. – Чего мне бояться?

– Посмотри туда, – кивнула Зенобия в сторону одинокой могилы, и Валюшка обернулась.

Фотография на памятнике медленно наливалась серебристым свечением.

Лицо женщины с каждым мгновением становилось все прекрасней.

Да, она была невероятной красоты! Чеканные черты поражали совершенством. Длинные белые косы сверкали так, словно их унизывали бриллианты. Глаза были закрыты, и белые ресницы лежали на белых щеках словно белые стрелы.

И тогда Валюшка поняла, что уже видела раньше это лицо. И вспомнила где...

В Хельхейме!

* * *

Этот тип появился ужасно не вовремя. Валюшка стояла у окна в коридоре четвертого этажа и плакала. Она нарочно выбрала именно этот коридор. На четвертом этаже находились классы музыки и рисования, кабинет завхоза и медкабинет, поэтому здесь обычно было малолюдно, а значит, можно поплакать вволю.

Нет, Валюшка совершенно не была плаксой. Она вообще не помнила, когда плакала в последний раз. Поэтому у нее не было никакой сноровки сдерживать слезы. Они так и лились из глаз, а иногда прорывались всхлипывания и даже рыдания. И вдруг за ее спиной раздался голос какого-то мальчишки:

– Слушай, что вообще случилось?

Принесло же кого-то!

– Ничего не случилось, – буркнула Валюшка, торопливо вытирая слезы.

– Можно подумать, у тебя ужасное горе! – произнес тот же голос.

Вот пристал!

Валюшка обернулась и увидела незнакомого мальчишку: высокого, тощего, очень бледного, одетого в черные джинсы и черную футболку с длинными рукавами. На футболке был нарисован лев. Так незамысловато одевались очень многие ребята, вот только рисунки на футболках у всех были разные. У кого-то какие-то слова по-английски написаны, у кого-то скалятся или хмурятся физиономии известных певцов или спортсменов, а у этого – лев.

Строго говоря, мальчишка ничего особенного собой не представлял, вот разве что обращали на себя внимание его разные глаза: один светлый, какой-то серо-зелено-голубой, а другой темный, черный-пречерный. И волосы еще у него тоже были разные: прядка белая – прядка черная, прядка белая

– прядка черная.

Вот тут Валюшка на него так вытаращилась, что даже последние слезинки у нее высохли. Конечно, Нижний большой город, это вам не Городишко: в восьмом классе, где учится Валюшка, девчонки на занятия вовсю приходят с накрашенными ресницами и такими прическами – зашибись. Но волосы пока еще никто не красил. Тем более не мелировал! И потом, девчонки – ну, они девчонки и есть, им как бы можно, а это все же пацан... И с крашеными волосами!

Вдобавок ко всему у него на запястье болтался браслет в виде черной змейки.

Вот уже чего Валюшка решительно не могла терпеть, так это когда парни навешивают на себя разные девайсы! Ужасно захотелось сказать этому типу что-нибудь... этакое, адекватное тому впечатлению, которое он производил, но не хотелось быть грубой.

Во-первых, мальчишка ей все-таки сочувствовал. А во-вторых, в этой шикарной школе на нее смотрели как на деревенщину: приехала из какого-то городишки, который так и называется – Городишко и который даже не на всех картах есть; о чем с ней ни заговоришь – о косметике или, например, о новых приложениях для мобильного, – вечно не в теме; чуть что – краснеет как раскаленная; на уроках заплетается в словах... В общем, если бы Валюшка не была племянницей завуча и по совместительству преподавателя математики Эвелины Николаевны Комаровой, ей бы в этой престижной

школе плоховато пришлось! О ней, конечно, в классе судачили и кривили насмешливо губы, но все-таки относительно сдерживались. Вот и Валюшка решила сдержаться, а потому ответила мальчишке, который продолжал тарашить на нее свои разноцветные глаза, довольно вежливо:

– Ты думаешь, плакать можно только от ужасного горя?

– Конечно, – уверенно ответил он. – Но разве это горе – услышать, что у тебя большой нос?

Тут Валюшка просто окаменела! Он что, подслушивал, как ее оскорбила эта новенькая девчонка? Ну, знаете, услышать такое оскорбление и один-то раз суший кошмар, а уж второй, да повторенный каким-никаким, а все-таки мужчиной, – это вообще непереживаемо!

А разноглазый продолжал бубнить:

– Поверь, нос у тебя совершенно нормальный, ну немножко курносый, – подумаешь, беда какая! Даже очень симпатично: мне, например, нравится! Тебе это сказали из зависти и злости, так что не обращай внимания! Видела бы ты, какой нос у нее самой! Это не нос, а... а кривой крюк!

Тут Валюшкиному терпению настал предел.

Так этому непрошеному утешителю, значит, нравится ее курносый нос?! Так Валюшка, получается, еще и курносая?! С чего он вообще это взял?! А все остальное, что он тут нагородил?! Да при виде этой новенькой девчонки класс просто обмер от восхищения! Нос кривой, как крюк?! Да она же красавица, красавица! У нее очень светлые, немножко да-

же серебристые волосы (этот редкий цвет называется платиновым), серо-голубые, очень светлые глазищи, матово-белое лицо, она вся будто выточенная! Руки у нее были белые-белые, с серебряно блестящим лаком на овальных ноготках, ничуть даже не обгрызенных! А какое у нее имя! Зенобия... Умереть – не встать. Это вам не Валюшка-подушка-погремушка-игрушка-болтушка!

Вот понять бы, издевается этот разноволосый и разноглазый или просто хочет Валюшку утешить, а потому врёт без зазрения совести?

Ложь во спасение, да? Спасибо, не надо!

Валюшка наконец обрела способность шевелить языком, а значит, разговаривать, и только хотела обогатить словарный запас этого мальчишки всеми теми словами, которыми она обогатила свой собственный в не забытые еще детдомовские годы, но вовремя вспомнила, что дала слово маме Марине больше ни о детдоме, ни о его наследии никогда не вспоминать. Врать маме Марине даже на расстоянии Валюшка не хотела, а потому обошлась с незнакомым мальчишкой почти по-хорошему, сказав ему только:

– Слушай, хромай отсюда, а?

Он посмотрел на Валюшку задумчиво, потом покладисто кивнул и... нет, в это просто невозможно поверить!!! – заковылял по пустому коридору, хромая на обе ноги.

Да еще как!

Сначала Валюшка подумала, что он притворяется, но нет.

Он в самом деле ужасно хромал, он еле передвигался!

Наверное, у него церебральный паралич или еще какая-то такая же ужасная штука. Небось приходил в медкабинет, но увидел рыдающую Валюшку и решил ее утешить.

Надо же, сам еле ходит, а утешает какую-то незнакомую девчонку!

А она ему этак небрежно: хромай, дескать, отсюда!

Ужас!..

Вдали громко залаяла собака, словно стыдила Валюшку.

Да, ей было стыдно! Лицо загорелось, даже все тело закололо... и, как ни странно, она вдруг почувствовала, что ненавидит этого черно-белого типа примерно так же, как Зенобию. Ведь мы всегда начинаем ненавидеть тех, кто заставляет нас чувствовать себя уродами или злодеями, а именно уродиной и злодейкой Валюшка себя сейчас и чувствовала!

В это мгновение прозвенел звонок и пришлось нестись в класс, потому что следующим уроком была математика, а тетя Эля, в смысле Эвелина Николаевна, старательно подчеркивала, что на ее уроках пользуются привилегиями только отличники, а не троечницы вроде ее как бы племянницы.

Как бы, вот именно!

Потому что, если мама Марина была Валюшке приемной матерью, то тетя Эля, ее сестра, приходилась, значит, приемной теткой.

Еще год назад у нее не было никого на свете¹. Она была одна! Одинокaя детдомовская девчонка Валюшка Морозова. Где-то в неведомом Городишке жила тетя Тома, изредка присылавшая племяннице письма. И вот однажды Валюшка отправилась ее навестить и обнаружила, что тетя Тома уехала из Городишка неведомо куда. Валюшка была так потрясена, что шла не разбирая дороги, и на нее съехал сугроб с крыши. Ее нашли не сразу и еле-еле вернули к жизни. Можно сказать, что доктор Потапов и медсестра Марина Николаевна из маленькой городишкинской больницы совершили чудо! Марина Николаевна и Валюшка так привязались друг к другу, что решили не расставаться, тем более что у Марины Николаевны несколько лет назад погибла дочь и жить одной ей стало невыносимо. Вскоре Марина Николаевна с доктором Потаповым решили пожениться, и у Валюшки появилась не только мама, но и отец, и даже брат, потому что Михаил Иванович Потапов усыновил Ленечку Погодина.

Так звали еще одного пациента городишкинской больницы. Он был на два года старше Валюшки и жил в дальней деревне с бабушкой. Когда она умерла, Ленечка пошел в город, но заблудился в метель и чуть не погиб.

¹ Об этом можно прочесть в повести Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи» (сборник «Большая книга ужасов – 2016», издательство «Эксмо», 2016).

Сначала Валюшка считала его просто чокнутым, потому что он не говорил по-человечески, а так и сыпал приметами да поверьями. Дело в том, что любимой его книгой был «Словарь русских суеверий». Постепенно Ленечка начал говорить нормально, но все равно Валюшка не знала человека, которому было бы известно о чудесах и невероятностях мира больше, чем Ленечке. Он стал Валюшке верным другом – вместе они много пережили той незабываемой зимой, а уж сколько страхов натерпелись позже, летом, – это просто словами не описать²!

Тогда у них появился еще один друг – Валерка Черкизов. Для Валюшки он был не просто друг – она в него влюбилась, хотя понимала, что надежды на взаимность нет никакой: во-первых, у Валерки начисто снесло крышу от совсем другой девчонки, а во-вторых, невозможно полюбить человека, который пытается тебя убить. А Валюшка пыталась, да, было такое дело... И Ленечка тоже. Правда, тогда они сами не понимали, что делают, потому что находились во власти страшного чудища, восставшего из мертвых, чтобы отомстить Валерке за разные прошлые дела³. Но все равно – пытались убить, от этого никуда не денешься...

Конечно, Валюшка надеялась, что, когда она переедет в

² Об этом рассказывается в повести «Сын тумана» в книге Елены Арсеньевой «Большая книга ужасов – 68», издательство «Эксмо», 2016.

³ Об этом идет речь в повести «Остров погибших душ» в книге Елены Арсеньевой «Самые страшные каникулы» (серия «Большая книга ужасов»), издательство «Эксмо», 2014.

Нижний (в малолюдном Городишке, где подростков было раз, два и обчелся, с этого года закрыли среднюю школу, осталась только начальная), они с Валеркой будут иногда встречаться, и новые впечатления постепенно развеют у него неприятные воспоминания о прошлом лете. Однако они так ни разу и не виделись.

Валерка ходил в одну из лучших школ города – с углубленным изучением французского. Этот язык там учили с первого класса, и Валюшку, понятное дело, туда невозможно было устроить. Спасибо тете Эле – взяла ее в свою школу, тоже очень хорошую! Валюшка даже жила у нее, в огромной квартирище в старом доме (они называются «сталинки»), в одной комнате с дочкой тети Эли – своей как бы двоюродной сестрой Юлей.

Комната была такая просторная, что там запросто поместились еще один диванчик и письменный столик.

Само собой, Валюшке очень хотелось подружиться с Юлей: ведь та училась в той же французской школе, что и Валерка, и даже в одном с ним классе! Беда только в том, что говорить о своих одноклассниках Юле было совершенно неинтересно. Она обожала рассказывать каждому встречному-поперечному страшные истории. Оказывается, за столь пылкую любовь к ужастикам ее в классе даже прозвали Пугалом! А однажды Юля похвасталась, что на позапрошлых летних каникулах, которые она проводила во французской деревне Мулян, она сама стала героиней самого настоящего

ужастика⁴.

Юля очень обижалась, что Валюшка слушает, но отмалчивается:

– Неужели тебе не страшно?! Наверное, это потому, что ты не знала настоящего ужаса. У тебя ведь не было никаких кошмарных приключений!

Были, были у Валюшки ужасные, кошмарные приключения! И страхов она натерпелась немало! Человеку, который оказался в Ледяном аду – Хельхейме, вынужден был дать зимнюю клятву верности богине смерти Хель и теперь живет под угрозой встречи с чудовищным четырехглазым псом Гармом; человеку, который держал в руках айсбайль – волшебное оружие против зимних призраков, а потом оборонялся им против белой травы-убийцы, грозившей уничтожить весь мир, – такому человеку, сами понимаете, не слишком-то интересна болтовня про восставших из могилы покойников, какого-то сбитого машиной, но потом ожившего барсука, детей-кукол и разную прочую ерунду, которую порывалась рассказать Юля.

Валюшка тоже встречала ожившего покойника, вернее, покойницу по прозвищу Синяя Молчунья, и даже готова была шархнуть ее по голове табуреткой, чтобы спасти спящую маму Марину! Неизвестно, конечно, что бы из этого вышло,

⁴ Об этом можно прочесть в повести «Ночь на французском кладбище» в книге Елены Арсеньевой «Самые страшные каникулы» (серия «Большая книга ужасов»), издательство «Эксмо», 2014.

да, на счастье, петух вовремя закричал. Так что перестаньте, не надо про ходячих мертвецов! Плавали, знаем!

Но страшилки Юли Комаровой – это еще полбеды. Главное, разузнать хоть что-то про Валерку было невозможно! Спросить напрямую про мальчишку – ну нет, у Валюшки скорее язык отсох бы! О девичьей гордости она один раз уже забыла, когда летом призналась Валерке, что влюблена в него, но больше ни за что не забудет!

Конечно, если бы рядом оказался Ленечка, Валюшке было бы куда легче переносить любые неприятности. Однако Ленечка остался в Городишке. Перед самым началом учебного года он упал с велосипеда и сломал ногу. Перелом оказался сложный: Ленечка долго лежал в больнице с загипсованной ногой, подвешенной к каким-то сложным сооружениям. Наконец гипс сняли, Ленечку забрали домой, но пока он еле-еле ходил. Собственно, потому Марина Николаевна с доктором Потаповым до сих пор из Городишка и не переехали, что возились с Ленечкой.

Валюшка чувствовала себя в Нижнем одинокой. Не такой, конечно, как в детдоме, но все же ей очень не хватало мамы Марины и Ленечки. Доктора Потапова не хватало тоже. Не хватало людей, которые ее по-настоящему любили! Счастье, что уже через несколько дней начнутся зимние каникулы и она уедет к своим!

Тетя Эля очень добрая, но это все не то. Юля тоже не то. И в классе так и не удалось ни с кем подружиться... А теперь

еще появилась эта красавица Зенобия, которая публично назвала Валюшку уродиной!

Между прочим, когда, наплакавшись на четвертом этаже, Валюшка влетела в класс за какую-то секунду до появления учительницы, Зенобия расхохоталась:

– Вы посмотрите на ее щеки! Ни фиги себе цвет! Да они просто огнем горят! Теперь можно выключать отопление, Морозова всех согреет!

Класс так и грохнул. Наверное, Валюшка тоже посмеялась бы над шуткой, если бы она не была этой самой Морозовой.

Она угрюмо прошла на свое место рядом с Борькой Калюжным по прозвищу Жвачник (ежу понятно, почему ему дали это прозвище!) и распахнула тетрадку так резко, что порвался листок.

Настроение окончательно испортилось. Эвелина Николаевна просто помешана на аккуратности. За помарки снижает оценки на балл – что же будет за порванную страницу?! Не дай бог, позвонит вечером маме Марине и нажалуется на Валюшку!

Какой же сегодня день ужасный...

* * *

Между прочим, вечер оказался под стать дню. Потому что Эвелина Николаевна, вернувшись из школы с необыкновенно просветленным видом, начала, едва войдя, восхищаться

Зенобией. И имя-то у нее необыкновенное, и красавица-то она неопиcуемая, и кожа-то у нее чистая и белая – как лепесток магнолии...

Валюшка, честно говоря, о том, что такое магнолия и как выглядят ее лепестки, не имела никакого представления, однако ее даже затошнило от злости. А стоило представить, что с этой Зенобией учиться еще четыре года, и вообще жить расхотелось. Но, может быть, эта несусветная красавица куда-нибудь денется так же неожиданно, как появилась?

Оставалось надеяться только на это!

– Вы только посмотрите, что она мне подарила! – воскликнула тетя Эля. – Его зовут Перебаечник.

И она показала небольшую тряпичную куколку: веселый такой толстенький старикашка с бородой и волосами из серебристых ниток, одетый во все серебристое, с вышитыми серебряными нитками глазками и широкой улыбкой.

У Эвелины Николаевны, непреклонного завуча и строгой математички, была одна тайная и совершенно девчачья слабость: она коллекционировала тряпичных кукол. Их уже собралось так много, что в ее комнате коллекция уже не помещалась и пришлось часть выселить в гостиную, разместив кукол в огромном книжном шкафу. Тетя Эля хотела сразу поставить туда Перебаечника, однако Юля, которая в него просто влюбилась с первого взгляда, умолила, чтобы ей позволили взять человечка в свою комнату – насмотреться на него всласть перед сном. А завтра, конечно, Перебаечник

займет почетное место в коллекции Эвелины Николаевны.

Валюшке даже смотреть на этого симпатичного старикашку было тошно, однако возражать она не имела права, а потому промолчала.

– Я вижу, эта ваша новенькая не только неопиcуемая красотуля, но и хитренькая, очень хитренькая, – сказала Юля, когда девочки уже улеглись на свои диванчики и выключили свет.

Серебристые одеяния Перебаечника, сидевшего на Юлином письменном столе, чуть поблескивали в темноте, и Валюшка отвернулась к стене, потому что ее даже это слабое мерцание раздражало.

– Подарки учителям делать – это полное безе и не очень прилично, по-моему, – продолжала Юля. – Хотя Зенобия очень точно угадала мамину слабость!

– Она ничего не угадывала, – буркнула Валюшка. – Она рассказывала, что, когда узнала, где будет учиться, то постаралась заранее разведать все о будущих одноклассниках. Ну и об учителях, конечно. Уж не знаю, кто ей сливал инфу, однако она всем сделала подарки – и точка в точку угадала, кому что особенно нравится! Например, Жвачнику подарила коробку шоколадных трюфелей: он же страшный сладкоежка, а за трюфели вообще родину продаст. Анжеле Кузьминой – гребень такой особенный – разные прически делать. У нее волосы очень красивые, но вечно растрепанные, никакого сладу с ними нет. Гребень весь в камешках искрящихся –

бриллиантиках искусственных, наверное. Оксане Карпенко – серьги с такими же камешками: она на серьгах просто помешана. Маше Коршуновой – колечко, Толику Роднецкому – песенник с нотами для гитары...

– Да, я помню, мама рассказывала, что Роднецкий очень талантлив, из него может получиться настоящий певец! – шепотом воскликнула Юля. – А тебе эта девчонка что подарила?

Валюшка знала, знала, что этот вопрос обязательно прозвучит, и ждала его со страхом. Потому что ей, само собой разумеется, Зенобия не подарила совершенно ничего. И пришлось смотреть, как весь класс – весь класс, кроме Валюшки Морозовой! – целую перемену только и делает, что разворачивает аккуратненькие беленькие сверточочки, перевязанные красивенькими серебристыми ленточками (на каждой было зачем-то навязано по несколько аккуратненьких бантиков, и выглядело это просто очаровательно!), любит-ся подарками, а потом начинает благодарить Зенобию. Девчонки всю ее обцеловали, мальчишки, судя по выражениям лиц, тоже не возражали бы это сделать, и даже Игорь Дымов, самый красивый парень в школе, в которого автоматом влюблялись все встречные-поперечные девчонки, неважно, из старших или из младших классов. У него были потрясающие черные глазищи, и Валюшка в него тоже непременно влюбилась бы, если бы уже не была влюблена в другого...

Короче, Игорь Дымов смотрел на Зенобию так, как нико-

гда ни на кого еще не смотрел, прочий народ восхищался подарками, а Валюшка одна стояла с пустыми руками и таращилась на остальных, изо всех сил пытаясь сделать вид, что все это ей совершенно безразлично. Больше всего хотелось сейчас оказаться в коридоре четвертого этажа, около подоконника... Но в это время там вовсю шли занятия по труду, музыке и рисованию, народищу было полно, так что пришлось остаться в классе и терпеть это унижение на глазах у всех.

Впрочем, на нее никто не обращал внимания: все были слишком заняты подарками!

Валюшка так крепко стискивала зубы, чтобы не выдать своей обиды, что они, наверное, начали крошиться, зато выражение лица удалось сохранить самое безразличное. Но вот наконец вся эта восторженная толпа вывалилась из класса, толкаясь и теснясь поближе к Зенобии, и лишь потом вышла Валюшка.

По всему коридору валялись красивенькие серебряные ленточки с бантиками, уже изрядно затоптанные, и скомканная оберточная бумага.

Валюшка все это обходила с отвращением! Оделась в пустой гардеробной и вышла на крыльцо.

Солнце уже садилось – в декабре смеркается рано.

Оказалось, ее одноклассники еще не разошлись: все собрались вокруг Толика Роднецкого, и Зенобия уговаривала его что-нибудь спеть из подаренного ею песенника. Толик,

само собой, отнекивался, но разве мог он долго сопротивляться уговорам девчонки с такими глазищами? Одета в очень легкую бело-серебристую шубку, без шапки (а на улице, между прочим, минус двадцать!), Зенобия была еще красивее, чем днем, когда появилась в классе. Самое удивительное, что не только мальчишки, но и девчонки смотрели на нее с восхищением, и этого восхищения не стало меньше, даже когда Игорь Кудымов взял у нее сумку и пошел провожать. Он и раньше провожал то одну, то другую, то третью одноклассницу, а потом его избранницы под страшным секретом рассказывали, что целовались с ним. Конечно, секрет немедленно становился известен всем, но Игорь только посмеивался и подмигивал мальчишкам, которые смотрели на него с завистью: небось девчонки сами лезли к нему целоваться!

«Сто пудов, он и с Зенобией целоваться будет!» – подумала Валюшка. Конечно, она влюблена в другого, но все же обидно, что Игорь ни разу не провожал ее домой и, само собой, понятно, что о поцелуях с ним нечего было и мечтать. А вот стоило появиться этой противной красотке...

Ну что это за жизнь? Ну почему в нее никто не влюбляется?! Ни Валерке она не нужна, ни Игорю...

Валюшка поспешила домой, пытаясь забыть обо всем, что происходило сегодня в классе. И ей это почти удалось. Но вот пришла Эвелина Николаевна с этим дурацким Перебачником, а потом Юля ранила и без того израненное само-

любие своим вопросом...

Ну неужели она не понимает, что, если бы Валюшка получила подарок, она о нем в первую очередь бы рассказала? Не удержалась бы, чтобы не похвастаться!

А вообще странно... ко всем Зенобия, можно сказать, подлизывалась, а Валюшку, как пишут во взрослых книжках, третировала. Интересно, почему? Просто так, из вредности? Или Валюшка ей где-то дорогу перешла? Но ведь они даже не виделись никогда в жизни!

– Да ладно, слушай, забей, – вдруг раздался сочувственный голос Юли. – У нас в классе тоже девчонки ужасно противные! Из-за всякой пакости расстраиваться – никаких нервов не хватит. Давай лучше я тебе новую страшилку расскажу, хочешь? – И, не дожидаясь Валюшкиного согласия, она изрекла, мгновенно сменив свой веселый голос на замогильный: – А ты знаешь, почему на этом черном поле рассыпана зола? Здесь пролились потоки крови, и их присыпали золой, чтобы скрыть следы преступления!

Слушать такую чушь?! Да ни за что!

– Когда начинать бояться? – дерзко спросила Валюшка, надеясь, что Юля обидится и отстанет.

И вдруг поняла когда... Сейчас! Сию минуту! Она вдруг увидела вокруг себя бескрайнее, уходящее за горизонт черное поле, покрытое мелкими кустиками какой-то блекло-серой, не то обугленной, не то примороженной травы. Небо, затянутое паутиной черных перистых облаков, тоже было

блекло-серым, мутным, мертвенным. Казалось, что эти облака высосали из него все краски! И под этим безжизненным небом, на этой безжизненной земле кое-где виднелись желтовато-серые пятна. Сначала Валюшка подумала, что это какая-нибудь растительность вроде мха, но потом поняла, что это обычная печная зола.

– Здесь пролились потоки крови, и их присыпали золой, чтобы скрыть следы преступления! – раздался голос.

Эти же самые слова только что произнесла Юля, но это был не ее голос, а чужой, незнакомый: скрипучий и тоже мертвенный, как все вокруг.

Валюшка испуганно оглянулась на Юлю – и вскрикнула от страха: на ее диванчике сидело какое-то бледное, пухлое, отливающее серебристым блеском существо с длинными бело-серебристыми волосами и бородой, которые шевелились, словно раздуваемые ветром. И внезапно все эти беспорядочно реющие пряди повернулись к Валюшке, потянулись к ней.

Это были уже не волосы. Это были стебли травы.

Каждый стебель быстро вытягивался, обрастая множеством жадных ворсинок.

Белая трава! Кошмар минувшего лета!

Горло у Валюшки перехватило, она зажмурилась от страха перед неминуемой смертью, вспомнив, как погибла собачка Двоеглазка, которая пыталась защитить Валерку. Трава жадно впилась в Двоеглазку, стремительно оплетя ее белевым коконом, но тотчас кокон сделался красным, налившись

кровью, которую высасывала трава! Потом кровь впиталась в землю, а ворох белой иссохшей травы вдруг рассыпался блестящими крошками, похожими на крупные снежные хлопья, искрящиеся в лунном свете.

Сейчас такими же белыми хлопьями рассыплется и Валюшка...

Вспыхнул свет.

– Ага, испугалась! – раздался торжествующий голос. – А я уж думала, тебя ничем не проймешь!

Это был Юлин голос.

Валюшка осторожно открыла глаза.

Юля сидела на своем диванчике, освещенная небольшим бра, висевшим на стене, и довольно улыбалась.

Никакого серебристого чудища с белыми травяными волосами и в помине не было. Исчезло и черное поле, посыпанное золой.

– Ничего я не испугалась, – буркнула Валюшка. – Я притворилась, чтобы тебе приятное сделать.

– Притворилась? – огорчилась Юля. – Ну ладно! Посмотрим, как ты сейчас притворишься! Вот, слушай еще один ужастик.

Она выключила свет и снова заговорила замогильным голосом:

– В оздоровительном лагере в одном отряде дети играли в «холодную руку». Кто-нибудь отворачивался, а другие касались его спины. У кого рука была самой холодной, тот мог

загадывать разные желания, а остальные должны были их исполнять. Кому-то надо было петухом закричать на линейке, кому-то – накормить всех конфетами, кому-то – пропрыгать перед начальником лагеря на одной ноге... В общем, загадывали у кого на что хватало фантазии. Тот, кто отворачивался, обычно объявлял: «Сегодня самая холодная рука была у четвертого!» или: «У шестого!» Ну и тому подобное. И вот однажды он говорит: «Самая холодная рука была у восьмого». А играли всего-навсего семь человек, восьмой был ведущий. Ребята стали его убеждать, что он ошибся, а тот спорит: «Самая холодная рука была восьмая!» Не поверили ему, все перессорились и пошли спать. А наутро вошла вожатая в эту комнату и видит: семь человек лежат мертвые, задушенные, только один спокойно спит – тот, который был ведущим. А рядом на подушке лежит мертвая отрубленная рука и гладит его по голове...

И Юля умолкла, ожидая Валюшкиного крика ужаса.

Но не дождалась.

– Дурь какая-то, – брезгливо сказала Валюшка. – Откуда там взялась эта мертвая ледяная рука?! Из какой могилы? Или она в холодильнике нарочно пряталась? В морозильной камере?

– Сама ты дурь, – обиделась Юля. – В ужасниках совершенно неважно, что откуда берется. Главное, чтобы было страшно! Тебе страшно?

– Нет, – пробурчала Валюшка. – Даже притворяться не

хочу. Зря стараешься. Давай спать, завтра вставать рано!

– Ну и пожалуйста, непрошибаемая ты наша! – фыркнула Юля. – Спи спокойно!

И Валюшка услышала, как Юля сердито поворачивается к стенке.

А сама она не могла шевельнуться. Есть такое выражение: ужас сковал все тело ледяными цепями. Именно это Валюшка сейчас и испытывала.

Она отлично знала, что находится в их с Юлей комнате, но в то же время она была в палате одного из корпусов оздоровительного лагеря. Она знала, что за окнами зима, но ей было слышно, как шумит под ветром ясень, который растет за окном. В свете луны его ветки и листья казались серебристыми, словно подернутыми инеем.

Что за странный посвист? Будто поземка пронеслась по льду! И ветви ясеня тотчас приникли к стеклу и покрыли его белыми искристыми побегами морозных растений.

Тут же Валюшка услышала какое-то странное царапанье по стеклу, будто ясень пытался проникнуть в комнату...

Ясень! Кошмар минувшей зимы!

Во время своих прошлогодних приключений Валюшка узнала, что под корнями ясеня Иггдрасиль скрывается Ледяной ад, в котором властвует Хель. И каждый ясень на земле – побег Иггдрасиля... С тех пор она недолюбливала эти деревья.

И вдруг Валюшка увидела прижавшееся к окну лицо.

Это было лицо того же самого существа – мертвенно-бледного, волосатого, бородатого, отливающего серебристым блеском, – которое Валюшка недавно видела на Юлином диванчике. Это никакой не ясень стучит и царапается в окно – это длинные, тонкие пальцы страшного существа просунулись в комнату, а потом – и вся бело-серебристая рука. От нее веяло стужей.

Это же та самая холодная рука, о которой рассказывала Юля!

«Если она прикоснется ко мне, я умру», – подумала Валюшка со страшным, уже почти неживым спокойствием.

Однако рука приветливо помахала ей, а потом потянулась по комнате дальше, дальше... Блеклое свечение сопровождало ее движение, и Валюшка увидела задушенных детей, лежащих в своих кроватях...

«Это только сон! Это мне снится! Надо проснуться!» – приказала себе Валюшка – и в тот же миг снова очутилась в комнате Юли.

Исчезли кровати с мертвыми мальчишками, но жуткая ледяная рука не исчезла! Теперь она тянулась к Юлиному диванчику. Вот длинные пальцы коснулись головы девочки, ощутили лицо, легли ей на горло...

В это мгновение Валюшке удалось наконец прорваться сквозь оцепенение ужаса. Она рванулась к Юле и...

...и больно ударилась коленями об пол. Свалилась с постели!

Вспыхнул свет.

Юля уставилась на Валюшку вытаращенными глазами.

– Ты что? – спросила хрипло. – Страшный сон приснился?

Валюшку все еще трясло, и голова у нее тоже тряслась, поэтому как-то сама собой кивнула.

Однако Юля не расхохоталась торжествующе, как следовало бы ожидать, а испуганно прошептала:

– Ой, мне тоже! Мне снился этот, как его... которого мама принесла... Перебаечник! Он ко мне подбирался и хотел меня задушить! У него была такая ужасная ледяная рука! И я почему-то была как будто не здесь, а в том оздоровительном лагере, про который в страшилке расска...

Юля осеклась и уставилась на пол.

Валюшка оглянулась – и увидела лежащего на полу Перебаечника.

– Как он здесь оказался? – прохрипела Юля, потирая горло. – Я ведь его на стол посадила!

Распахнулась дверь, и на пороге появилась Эвелина Николаевна – в пижаме, мохнатых тапочках, растрепанная со сна:

– Девочки, что происходит?! Вы себе представляете, сколько сейчас времени?! Уже полночь, а завтра рано вставать! А это что такое?! – Она уставилась на лежащего на полу Перебаечника: – Юля! В чем дело?! Такой ценный подарок, а ты...

От возмущения у тети Эли даже голос пропал, только гла-

за металы такие искры, что Юля от страха даже одеяло на голову натянула и ни слова не могла вымолвить.

– Извините, Эвелина Николаевна, – пробормотала Валюшка, отважно бросаясь на амбразуру тетушкиного гнева и вызывая огонь на себя. – Я во сне упала с кровати и, наверное, нечаянно задела стол, вот куколка и упала.

Юля слегка высунулась из-под одеяла и выразительно приставила палец к виску, словно говоря: «Ну и сморозила ты, Морозова! Стол вон где, а ты вон где!»

Да, какое-то неудачное вранье вышло...

Но Эвелина Николаевна, видимо, спросонья, нелепицы не уловила, подхватила Перебаечника с пола и вышла, бросив напоследок:

– Юля, выключи свет сию минуту! Услышу еще хоть одно слово – пожалеете!

Несколько мгновений девочки сидели в темноте, потом Юля пробормотала:

– Хорошо, что мама его забрала, правда? Он, конечно, хорошенький, но какой-то... жутковатый.

– А нечего на ночь всякую жуть рассказывать, – ответила Валюшка.

– Ага! – тихонько воскликнула Юля. – Жуть?! Значит, я тебя напугала все-таки?!

– Напугала, напугала, – неохотно призналась Валюшка.

– Немедленно спать! – раздался из глубины квартиры грозный окрик Эвелины Николаевны, и после этого в ком-

нате девочек наконец воцарилась полная тишина.

Но уснуть Валюшке не удалось. Она и так прикладывалась, и этак, и подушку переворачивала, и слонов с овцами считала – напрасно! Даже на чуточку вздремнуть не получилось. Встала с тяжелой головой, бестолково тыкалась из угла в угол и только по пути в школу немного взбодрилась.

* * *

Валюшка еще издали заметила Зенобию, которая стояла в коридоре перед дверью класса, будто ждала кого-то. При виде Валюшки она заулыбалась так радостно, словно ну прямо мечтала встретить ту, над кем вчера издевалась.

Что, еще какую-то пакость ей приготовила?

– Привет, Морозова! – воскликнула Зенобия. – Слушай, вчера так неудобно получилось! Я всем подарки сделала, а тебе нет. Извини, я просто забыла! Вот, возьми! Надеюсь, тебе понравится!

И, сверкнув своими прозрачными глазами, она сунула в руку Валюшке сверточек из белой хрустящей бумаги, перевязанный серебристой ленточкой, и скрылась в классе. А изумленная Валюшка так и осталась стоять в коридоре.

Вот это ничего себе! Кто бы мог подумать, да? Значит, эта новенькая не такая уж и вредина?..

Вдруг сзади раздался тяжелый кашель, а потом хриплый, простуженный голос:

– Эй, Морозова, чего стала, примерзла, что ли? Дай пройти!

Валюшка обернулась и увидела Толика Роднецкого.

– Ты горло застудил? – сочувственно спросила она, зная, как панически боится Толик испортить голос.

– Глухая, что ли, сама не слышишь? – зло прохрипел Толик и вошел в класс.

Валюшка обиделась. Она его пожалела, а он...

– Не надо было вчера песни орать на морозе! – пробормотала вслед. – Решил пофорсить перед новенькой – вот и получи, фашист, гранату!

Толик, на счастье, был уже далеко.

Однако надо же посмотреть, что ей подарили! Только не хочется это делать при всех.

Валюшка шмыгнула за огромный фикус (эти фикусы в кадках поставили в коридорах еще лет сорок назад, когда школу только открыли, и их страшно берегли, словно какой-нибудь античный раритет) и только собралась развязать красивую ленточку со множеством бантиков, как увидела Игоря Дымова и Жвачника Калюжного.

Они медленно тащились по коридору, и вид оба имели, прямо скажем, неважный. Обычно краснощекая, физиономия Жвачника была бледной-пребледной, он то и дело хватался за живот. А Игорь... Да что это с его губами?! Они покрылись этой пузырчатой гадостью, которая называется герпесом. Хотя в народе говорят, что это, мол, лихорадка поце-

ловала. Ну, в смысле, простуда высыпала.

«Ага, – злорадно подумала Валюшка, – не надо было вчера на морозе с Зенобией целоваться! Ходи теперь с герпесом! А Жвачник, наверное, трюфелями объелся – вот и мается животом!»

Она снова взялась за сверток с подарком, однако увидела плетущихся к классу Анжелу Кузьмину и Оксану Карпенко. В волосах у Анжелы был тот самый гребень, который подарила ей вчера Зенобия, и сверкал он точно так же ослепительно, однако ее роскошные волосы за одну ночь почему-то потускнели и даже как будто поредели. А с ушами Оксаны что случилось?! Мочки распухли, оттянулись – это же вареники какие-то, а не уши!

Следом за ними шла Маша Коршунова. Правая рука у нее была забинтована, глаза заплаканы.

Маша была славная девчонка, она всегда нравилась Валюшке, и та, высунувшись из-за фикусов, заботливо спросила:

– Что у тебя с рукой?

– Ой, ужас один, – всхлипнула Маша. – У меня все пальцы и даже ладонь бородавками покрылись! В одну ночь, ты представляешь?! Мама говорит, надо идти к доктору, выжигать жидким азотом. Да там никакого азота не хватит – столько бородавок высыпало! И это ведь ужасно больно – прижигать! Ты не знаешь какого-нибудь средства хорошего, но чтоб не больно было?

– Знаю! – обрадовалась Валюшка. – Мне летом Ленечка, это мой двоюродный брат, – она всегда при посторонних так называла Ленечку, чтобы избежать лишних вопросов, – сводил. Он кучу всяких народных рецептов знает! Нужно взять ниточку, обвязать ее вокруг бородавки узелком, а потом эту ниточку закопать в землю – например, в цветочный горшок. Нитка сгниет – и бородавка сойдет.

– Да у меня раньше рука сгниет, – снова всхлипнула Маша. – Ужас, что делается... Кожа как у жабы, даже колечко новое снять невозможно... Наверное, после уроков все же придется идти к врачу.

И она, всхлипывая, побрела в класс.

Колечко? Валюшка насторожилась. Маша говорила о колечке? Не о том ли, которое ей подарила Зенобия?

Странно... Анжела надела подаренный Зенобией гребень – и у нее волосы вылезли, у Оксаны уши распухли от подаренных Зенобией серег. Жвачник наверняка ее конфетами траванулся, Роднецкий охрип, спев песню из ее песенника, про Игоря лучше вообще молчать... Хорошие какие подарочки сделала им новенькая! Интересно, а что она преподнесла Валюшке?

Надо наконец посмотреть!

Или, может, не надо?..

– Не надо, – раздался рядом голос.

Валюшка повернулась и увидела того самого разноглазого и разноволосого мальчишку в черной футболке со львом. Ну

того, который от нее вчера так ужасно захромал на четвертом этаже.

От неожиданности руки у Валюшки разжались – и хорошенький беленький сверточек упал на пол с таким звоном, что сразу стало понятно: в нем было что-то хрупкое, и оно разбилось.

И теперь ей так и не узнать, что там было!

– Зеркальце там было, – сообщил разноглазый, вертя во-круг запястья свой браслет – черную змейку. – Очень кра-сивенькое зеркальце. И очень пакостное. Избавиться от его осколков будет очень трудно, имей это в виду.

– Что?! – вытаращилась на него Валюшка. – Что за лабуду ты несешь?! И вообще, чего пристал?! Катись отсюда!

Мальчишка вздохнул, с сомнением посмотрел на не слиш-ком чистый пол (вообще-то полагалось в раздевалке пере-обуваться, но кто дома сменку забудет, а кто возьмет, да за-будет переобуться, поэтому пол и был не слишком чистым!), потом снова на Валюшку:

– Что, серьезно?

– Глухой, да?! – зло выкрикнула она. – Сказала – катись, значит, катись!

– Ладно...

Он снова вздохнул, а потом проворно лег на пол... и по-катился по коридору!

Реально покатился!

Где-то за окном громко залаяла собака.

Но Валюшке было не до собак! Она смотрела – и глазам не верила. Кругом было довольно много народу, но этот тип, катясь, как-то умудрился всех огибать, и на него, катящегося, совершенно никто не обращал внимания. Можно подумывать, здесь каждый день катаются по коридорам пацаны с черно-белыми волосами!

В каком только классе он учится, этот придурочный?!

Между тем мальчишка выкатился за дверь, ведущую на лестницу.

Вот интересно, а по ступенькам он тоже покатится, рискуя ребра переломать, или все-таки перестанет валять дурака и встанет на ноги?

Валюшка рванулась было посмотреть, однако ее кто-то удержал за плечо. Оглянулась – да это преподаватель русского языка и литературы Александр Сергеевич Пушкирев по прозвищу Почти Пушкин!

– Ты куда собралась, Морозова? – спросил Почти Пушкин с улыбкой. – Решила сбежать с моего урока? С контрольного диктанта, от которого будет зависеть оценка в четверти?! Тогда надо было это делать чуть раньше. А теперь, если ты мне попалась – все, гиблое дело, уже не вырвешься! Разве я могу лишиться себя удовольствия поставить тебе очередную пятерку?!

Валюшка разулыбалась. Все неприятности вылетели из головы! Ей нравился молодой и симпатичный Александр Сергеевич Почти Пушкин, потому что она нравилась ему.

Честно говоря, ему нравились все, кто писал без ошибок. У Валюшки, по его словам, была абсолютная грамотность, а значит, она всегда могла рассчитывать на дружескую улыбку Александра Сергеевича и его шутливый тон. И его уроки она просто обожала. И диктанты обожала!

– Я только хотела мусор выбросить, – сказала она и потрясла белым звенящим пакетиком. – Выброшу – и сразу в класс.

– Ну давай, – кивнул Почти Пушкин. – А я тебя подожду. На всякий случай. А то вдруг все-таки вздумаешь сбежать!

Валюшка швырнула пакетик в урну. В присутствии Александра Сергеевича у нее настолько улучшалось настроение, что даже разбитый подарок Зенобии, который она так и не успела посмотреть, казался сущей ерундой.

Но, едва они вошли в класс (Почти Пушкин галантно пропустил девочку вперед), Валюшка наткнулась на такой злобный взгляд Зенобии, что отпрянула и даже наступила на ногу преподавателю. И тот под общий хохот допрыгал до своего стола на одной ножке. После такой развлекухи диктант стал казаться менее страшным и ужасным. Однако у Валюшки все время было такое ощущение, что ей иногда вонзается в спину что-то холодное.

Однажды она оглянулась и встретила глазами с Зенобией. Теперь в них не было злобы. Они были очень печальны! Валюшка даже увидела, как слезинка скользнула по белоснежной щеке красавицы.

Валюшка поспешно отвернулась и продолжила писать диктант. Если бы не ее хваленая абсолютная грамотность, она, наверное, насажала бы кучу ошибок, потому что думала совсем не о тексте, а о Зенобии. Наверное, та видела, как Валюшка выбросила ее подарок. Конечно, это ужасно обидно! Зенобия же не знала, что Валюшка его разбила и в свертке теперь одни осколки. Надо после урока объяснить, что случилось... А лучше достать из урны сверток и показать Зенобии.

Валюшка чуть ли не первая сдала тетрадку и выскочила из класса. Бросилась к урне, но та оказалась пуста. То есть в ней валялись какие-то скомканные бумажки, конфетные фантики и маленькая пластиковая коробочка из-под «Тик-Так», но белого сверточка, обвязанного серебристой веревочкой, и в помине не было! Наверное, кто-то польстился на красивенькие бантики...

Ну вот, а этот разноглазый трепался: мол, трудно будет от осколков избавиться!

Как же теперь оправдаться перед Зенобией?

День тянулся, уроки шли, а Валюшка все не могла ничего придумать. Впрочем, даже если бы она и придумала, приблизиться к новенькой все равно не удалось бы: за ней как приклеенная таскалась многочисленная свита одноклассников. Правда, на сей раз Игорь Дымов держался в сторонке, однако преследовал Зенобию таким тоскующим взглядом, что было понятно: если бы не его безобразно распухшие губищи, он

снова потащился бы ее провожать, чтобы с ней целоваться!

Наконец день закончился. На последнем уроке – биологии – Валюшка была дежурной, значит, помогала преподавателю убирать со столов микроскопы и стеклышки со срезами, а потому вышла из класса последней.

Коридоры уже опустели, в гардеробной тоже никого не было. Валюшка взяла свою дубленочку, одиноко висевшую в уголке, и услышала, как что-то звякнуло в кармане.

Сунула туда руку – и с изумлением обнаружила тот самый сверток в белой бумаге, обвязанный серебряной веревочкой со множеством бантиков.

Вот так фокус... Как же сверток туда попал?!

Да очень просто – кто-то его туда положил. Кто? Может быть, сама Зенобия? Достала из урны и сунула Валюшке в карман. Но когда же она успела? Загадка...

А впрочем, это неважно. Надо наконец посмотреть, что там разбилось. Может быть, удастся склеить осколки и извиниться перед Зенобией?

Валюшка еще раз полюбовалась на крошечные изящные бантики. И не лень же было Зенобии навязывать их – аж восемь штук!

Сняла веревочку, хотела выбросить, но урны поблизости не нашлось, а бросать мусор на пол не хотелось. Поэтому Валюшка сунула веревочку в карман и только принялась разворачивать шелковисто шуршащую бумагу, как услышала за спиной мальчишеский голос:

– Правильно сделала, что не бросила веревочку на пол. Иначе ты непременно наступила бы на эти узелки с проклятиями, и тогда порча начала бы действовать.

Валюшка узнала голос. Ну конечно! Снова этот... разноглазый, с полосатыми волосами, в майке со львом. И конечно, снова несет всякую ерундину!

– Опять ты? – буркнула она. – Ну вот скажи, чего ты ко мне пристал как банный лист?!

– Скажу, – согласился разноглазый. – Только пойдем на улицу, а то кто-нибудь войдет и увидит, как ты торчишь в углу и сама с собой разговариваешь... Как бы «Скорую» не вызвали!

– Как это – сама с собой? – удивилась Валюшка. – Да я же с тобой разговариваю!

Мальчишка усмехнулся:

– Ну да, ты меня видишь. А больше никто не видит, кроме Знобеи. Ты ее опасайся! Как только она с тобой заговорит, скажи ей: «Приходи вчера!» Увидишь, что будет.

– Ты о ком?! – взвизгнула Валюшка. – Кто такая Знобея?!

– Вы ее Зенобией называете, – пояснил разноглазый. – На самом деле она такая же Зенобия, как я – Игорь Дымов.

Надо же, вот наглец, а?! Да на него без слез не взглянешь, а туда же – Игорь Дымов! Да ему до Игоря как до Луны!

– Ну, от скромности ты не умрешь, – презрительно бросила Валюшка.

– Да я вообще не умру, – успокоил мальчишка. – Ни от

скромности, ни от чего-то другого.

– Типа, мы бессмертные, да? – ехидно уточнила Валюшка.

– Мы? – удивилась мальчишка. – Ты – нет, к сожалению. Я – да... – помолчал и добавил со вздохом: – Тоже к сожалению!

Ну, это было что-то уже совершенно несусветное!

– Да кто ты вообще такой?! – возмущенно выкрикнула Валюшка.

– Я? – растерянно проговорил он. – Наверное, пока еще никто... Ну да, ни то ни се. Знаешь, как говорится: и от своих отстал, и к чужим не пристал. Самый настоящий никто, значит, и есть.

– То есть тебя можно так и называть? – ехидно уточнила Валюшка, но этот тип, похоже, издевки не уловил, потому что охотно кивнул:

– Конечно. Выбирай, на каком языке это слово тебе больше нравится. Например, по-латыни «никто» – немо, по-английски – ноубоди, по-французски – персон, по-немецки – кейнер, по-итальянски – нессуно, по-испански – нингуньо...

– Нет, мне больше нравится по-русски, – перебила его Валюшка. – Никто – значит, Никто!

– Как хочешь, – покладисто согласился он.

– Слушай, Никто! – задушевно попросила Валюшка. – Отстань от меня, ладно?

– Даже не собираюсь, – развел он руками. – Я бы рад это сделать, но, честно, не могу!

Неизвестно, что больше вывело Валюшку из себя: что он *даже не собирается* выполнить ее просьбу и отстать или что *рад бы это сделать!*

Так... она *курносая*, это во-первых, а во-вторых, он *рад бы от нее отстать...* Какая девчонка стерпит больше оскорблений от парня, чем натерпелась от него Валюшка за каких-то несчастных два дня?!

– Ну вот что, Никто! – выкрикнула она. – Ты мне реально осточертел, понял? Исчезни с моих глаз! Пропади пропадом! Хоть сквозь землю провалились!

И он... исчез.

* * *

Честное слово! Вот только что стоял рядом – и вот его уже нет!

Где-то вдали громко залаяла собака, но Валюшке было, понятное дело, совсем не до нее.

– Куда же он делся, этот Никто?! – пробормотала растерянно.

– Провалился сквозь землю, как ты и пожелала, – раздался нежный девичий голос.

Рядом стояла Зенобия.

– Как... сквозь землю? – удивилась Валюшка.

– Да так, – пожала плечами Зенобия. – Обыкновенно. Куда же еще ему деваться, как не провалиться в преисподнюю?

А она ведь в глубинах земных находится. Вот он туда и провалился.

– Почему в преисподнюю? – тупо спросила Валюшка, совершенно переставая понимать хоть что-то в происходящем.

– Да потому, что он черт! – очень серьезно ответила Зенобия. – А черти обитают в преисподней.

Валюшка несколько раз моргнула, осваиваясь с такой несусветной новостью, но так и не смогла ни освоиться, ни ответить хоть что-то.

– Не веришь? – покосилась на нее Зенобия. – Ты его копыта видела?

– Какие ко... копыта? – Валюшка от изумления начала заикаться.

– Обыкновенные! – раздраженно рявкнула Зенобия. – Он козлоногий, как все черти. И хромой!

– Хромой – да, было дело, он хромал, – вспомнила Валюшка. – Но копыт я не заметила...

– Конечно, разве тебе могло взбрести в голову посмотреть! – хмыкнула Зенобия. – А надо всегда обращать внимание на такие вещи! Нормальные люди ходят в обуви, а у него вместо обуви копыта! Знаешь, когда в старину незнакомые парни вдруг приходили на вечерку, девки всегда улучали минутку и украдкой заглядывали под стол. Под столом видно, кто в сапоги обут, а у кого копыта!

– Так я же с ним за одним столом не сидела, – начала оправдываться Валюшка. – Куда же было заглядывать? Мо-

жет, в другой раз...

– Надеюсь, он больше не появится, – успокоила Зенобия. – Хотя... кто его знает! Они, черти, жутко приставучие. И к черту их не пошлешь, сама понимаешь.

– А почему он вообще ко мне привязался? – возмущенно спросила Валюшка.

Зенобия взглянула на нее как на дурочку:

– А ты помнишь, какое сегодня число?

– Конечно, помню! – кивнула Валюшка. – Двадцать первое декабря. Среда! А что?

– То есть как это «а что»?! Ты все забыла?! Забыла, что происходило в прошлом году в эти дни?! – почти с ужасом прошептала Зенобия.

И Валюшку затрясло...

Да, в это самое время ровно год назад начались ее страшные приключения, связанные в Хельхеймом. Потому что в двадцатых числах декабря, когда солнце в северных странах совсем не выходит на небо и воцаряется непроглядная тьма, наступает Йоль – самая длинная ночь в году, которую еще называют ночью солнцестояния⁵

⁵ Дата солнцестояния незначительно смещается каждый год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.